

Стремление к завершению образования и любезное приглашение старого друга — теперь уже трапезундского государя Василия — привели Ливадина в 1335 г. в Трапезунд, ставший тогда как центр астрономических и математических наук. С этого времени и началась трапезундская эпопея Ливадина.

Сначала, казалось, ничего не предвещало грядущих лишений и испытаний. Благополучное плавание, дружеский прием у императора, почести со стороны клира и особенно самого митрополита Григория, сближение с представителями знатнейшего рода Схолариев — все благоприятствовало молодому человеку. Он быстро приобрел завидное по его годам положение, получив гражданский титул табулярия и высокую церковную должность хартофилака. Но очень скоро, в 1341 г., Ливадин оказался ввергнут в бедствия, связанные с гражданской войной, о событиях которой он весьма туманно и боязливо, скорее намеками, сообщает в своих произведениях. Хартофилак был схвачен, лишен имущества, видимо немалого. Неудачная попытка вернуться в Константинополь с согласия одной из победивших группировок знати стоила ему новых неприятностей: посланные вдогонку трапезундские суда вернули его, уже добравшегося до берегов Крыма. Частые колебания на чаше неустойчивых политических весов {101} многократно отражались на судьбе писателя вплоть до 1355 г., когда наконец он занял свое прежнее положение при дворе Алексея III и стал официальным ритором, выступавшим на церемониальных торжествах.

Наиболее значительное произведение Ливадина — «Путеводительные записи» (Периигисис) — было написано вскоре после 1355 г. Условное название не в полной мере раскрывает существо авторского замысла. Периигисис — риторическое сочинение, «благодарственное слово» Христу и Богородице за избавление от многих болезней и бедствий. Но, с другой стороны, слово $\alpha\prime\prime\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\iota\varsigma$, употребленное в титуле, в начале и в конце произведения, является аллюзией на известный текст Ксенофонта. Ливадин создавал произведение одновременно и конкретно-историко-географическое (в пинаке он назвал его $\tau\omicron\upsilon\prime\prime\ \kappa\alpha\tau\prime\prime\ \epsilon\mu\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\prime\prime\ \nu\prime\prime\ \iota\prime\prime\ \sigma\tau\omicron\rho\iota\alpha\varsigma\ \delta\iota\eta\gamma\eta\mu\alpha$ и риторическое ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\prime\prime\ \chi\alpha\rho\iota\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\varsigma$). Два плана как бы сливаются, переходя один в другой. Конечно, план риторики доминирует, но конкретика описаний, автобиографичность и мемуарность как бы выводят произведение за рамки избранного первоначального жанра. Среди наиболее подробных описаний можно выделить три: путешествие в Египет и Палестину, рассказы о нападении туркмен на Трапезунд и пожаре 1341 г. и о восстании великого дуки Схолария в 1355 г., к которому сам автор был причастен. Но, помимо этих отрывков, многие важные исторические сведения рассыпаны по всему Периигисису (*Libad.* P. 39—96).

Отдавая дань агиографии, Ливадин составил энкомий одному из наиболее почитаемых святых — св. Фоке, соединив житие синопского подвижника с похвалой ему. Это произведение испытало на себе влияние «Слов» Григория Назианзина (*Ibid.* P. 244). Стихи Ливадина (на Успение и Рождество Богородицы, на Благовещение) написаны ямбическими триметрами, иногда содержат повторы и, равно как и два небольших тропаря Богородице, вполне традиционны и не свидетельствуют о слишком большом поэтическом даровании автора. Стихотворные произведения предназначались для торжественной декламации ритора на празднествах в присутствии императорской фамилии и высшего клира. Для этой же цели Ливадином было написано и «Исповедание веры», которое должно было быть произнесено в праздник Преображения, 6 августа 1361 г.

Ливадин не был крупным и оригинальным писателем. Его никак нельзя причислить к гуманистическим кругам византийской интеллигенции. Круг его познаний довольно ограничен, но эти познания прочны и хорошо усвоены. Он вполне владеет техническим арсеналом риторики того времени, тщательно и в изобилии подбирая к каждому случаю нужные стереотипы и клише, подчас перегружая ими повествование. Его взгляды вполне ортодоксальны и обычны, быть может, лишь ощущение нарушенной гармонии, мистическая экзальтированность, тяга к оккультным знаниям (отсюда и стремление изучить астрологию) отличают Ливадина. Традиционный писатель творил в нетрадиционной ситуации, в тяжелые годы лихолетья, когда не только политические теории, но и сама система духовных ценностей претерпевала серьезные изменения. В провинции, быть может, все это сказывалось не так остро, как в Константинополе но все же и здесь ощущалось, например, торжество исихастских идей носителями которых легко становились люди, подобные Ливадину. Некоторые, хотя и не очень четко высказанные, исихастские идеи содержатся в «Исповедании веры». {102}

Почва для распространения исихастских настроений в Трапезунде была подготовлена к середине XIV в. В 1351 г. был заключен брак Алексея III с племянницей поборника и защит-